

Я родился в Вислу я десятки других рек Европы...
Прошло много лет. Не помню, на каком я учился курсе — на втором или на третьем. Приехав домой на очередные зимние каникулы (учился я в другом городе), узнал, что и мама, и бабушка озабочены новой заботой: бабушкиной пенсией.

Как мне рассказывала покойная мать, дед не особенно умилялся моей особой. К детскому ору он не привык. Мать родила меня, своего единственного ребенка, поздно, когда ей уже было тридцать пять. До этого детей в доме не было, и поэтому мои крики раздражали деда. Умом он, конечно, понимал, что сердиться на ребенка нехорошо, но полелать с собой ничего не мог. Если я начинал орать дном, он кричал, закуривал, отевался и шел во двор огребать снег. Если это случалось ночью, он опять же кричал, опять же закуривал и уходил в мастерскую — так называлась у нас пристройка к кухне, где стояли швейные машинки дсда. Он был портной высокой марки, хотя в последние военные годы бросил это занятие, опасаясь, что если власти накроют, то не просто обложат налогом, а могут наказать и покруче.

Деду было тогда 66 лет. Работал он в ту зиму сторожем на лесозаводе. Лесозавод (или, может быть, его сплавная база) располагался в Затоне, где сейчас зона отдыха «Зеленый остров». Из рассказов матери и бабушки я понял, что перед той зимой то ли из-за гололедицы, то ли по какой другой причине много деловой древесины не было вытаскано на берег, а вмерзло в лед. Ее тотчас же стали поворовывать, выдалбливать — с тольковом в городе было плохо. Вот руководство завода и распорядилось поставить поблизости сторожку. Ходить к ней нужно было по льду.

Однажды, в феврале 44-го года, дед не вернулся с работы. В первый день бабушка не побеспокоилась, подумала, что сменищик попросил его отдежурить за себя, но когда дед не пришел и на следующий день, побежала на завод.

— А что ты, бабка, бегаешь ищешь, — сказал ей какой-то боссердечный человек, — вон он, твой мужик, в воде мокнет.

В Затоне среди льда черпала полынья, — возле которой стояли деловые санки...

Февраль в ту зиму был на редкость теплым. Да еще расположенный рядом судоремонтный завод спустил в Затон горячую воду. После дежурства дед шел домой, везя за собой санки с парой полешек дров: сторожам это разрешалось. Он решил срезать угол и угодил прямо в припорошенную снегом полынью.

Странно и страшно, что он погиб именно на реке. Эп, трижды бегавший из германского плена еще в первую мировую и переплывавший Рейн,

нимум двух свидетелей, помнящих дела. Свидетели должны на суде (!) подтвердить факт его работы на предприятии и его гибели. Это и будет основанием для начисления пенсии.

Далее я выяснил, что лесозавод как такового давно уже нет, он вошел в одну из мебельных фабрик.

Александр БОЛОТОВ

860

РАССКАЗ

Какая может быть пенсия, если человек никогда не работал на государственной работе, а только по дому, по хозяйству, шил частным образом, приторговывал огородным урожаем, сиренькой из сада?

Бабушка объяснила мне так: — А вот был депутат. На что, спрашивает, живете-то, бабушка? С огорода, говорю, милый человек, да вот и долка дает, хоть и сама пенсионерка уже. Расспросил меня, рассказала ему, как дед Васька утонул. Вот он и говорит, пенсия вам, бабушка, давно уже полагается — за потерю кормильца. Муж ваш, говорит, погиб, можно сказать, на производстве, государство должно вам помогать. Одним словом, Шуранька, депутат сказал: хлопотать надо...

Для меня, тогда сопливого юнца, даже то, что пенсиями владеет собес, было новостью. С того райсобеса и началось мое знакомство с могущественным миром отечественной бюрократии, — знакомство, продолжающееся и по сей день.

— В каком году погиб дед? — спросили меня в собесе. — В сорок четвертом? А где вы были двадцать лет?

Я начал объяснять, что вскоре после похорон (которые, кстати, разорили наше семейство полностью) бабушка ходила и узнавала про пенсию. На нее накричала какая-то дама, сказала, что ей, никогда не работавшей, никаких пенсий не положено, что идет война, а вот некоторые все норовят урвать от государства.

— Ничего у вас не получится, — выслушав, сказала мне собесовская чиновница. — Сколько работаю — таких случаев, чтоб за пенсией через двадцать лет приходили, не припомню.

Я догадался подчеркнуть, что идя о пенсии подсказал бабушке депутат.

— Депутат? — Да, депутат. Начиняйте, говорит, хлопотать, а не будет получаться, я сам подключусь. — Меня понесло, я начал improvisировать.

В результате моего монолога, во время которого слово «депутат» я старался произносить почаще, все-таки выяснилось, с чего надо начинать. Начинать надо было с места последней работы деда, то есть с лесозавода. Нужно было попытаться найти его документы, а если их нет, подыскать свидетелей.

звание предприятия, фамилию, и отчество владельца: Болотов Василий Васильевич. И название цеха — сплавной. Три раза пропуск продлевался: есть три печати и три подписи директора завода. Подпись, как это всегда бывает, неразборчива, но первая буква читается четко — «В».

Долго рассматривали кадровики эту диковину. Сразу же сказали, что никаких документов по лесозаводу у них нет, оказавшись людьми отзывчивыми, стали прикидывать, кого можно пригласить в свидетели. «Прикинули» быстро: главный бухгалтер должна помнить.

Минут через десять в отдел кадров вошла пожилая невысокая худощавая женщина. У нее не было одной, кажется, левой руки.

— Да, я помню этот случай, — сказала женщина. — Я согласна быть свидетельницей.

Второго свидетеля мать нашла сама, уже без меня — каникулы кончились. Найти его помогла та же главный бухгалтер. Им оказался сам бывший директор лесозавода, а потом и фабрики, который тоже помнил эту историю, — по фамилии, кажется, Ванчук.

Все это я узнал из материнских писем.

Наступили летние каникулы, и я опять приехал домой. Оказалось, что пенсионные дела предстоит продолжить, что, хотя все необходимые документы собраны и уже находятся в собесе, бабушке необходимо пройти какую-то общественную комиссию. Надо пойти на эту комиссию вместе с ней.

Собес того района, в котором жила бабушка, располагался в большом деревянном мрачном доме с просыревшими стенами. В большой прихожей стояли и сидели озабоченные пожилые люди. Заняв очередь, мы стали ждать. Я заметил, что бабушка сильно волнуется, взял ее за руку.

— Ну, чего ты? Ну, спросят, и все...

— Боюсь я, Шуранька, ничего мне не дадут, только обругают, ведь сам знаешь, ни дня на них не работывала. Зря я все это придумала.

Начал волноваться и я. Подошла наша очередь, и мы вошли в большой кабинет, почти зал. За длинным столом, покрытым красным, сидели люди и смотрели на нас.

молодой человек, — поднявшись, сказал мне высокий сухошавый пожилой мужчина с орденскими планками на пиджаке, — подождите в коридоре.

— Разрешите я присутствую, она малограмотная, да и не привыкла ко всему этому, может, я помогу ей отвечать.

— А я говорю: подождите в коридоре!

Пришлось выйти. Вскоре я услышал через дверь, что сухошавый кричит.

«Так ведь это он на нес», — тупо сообразил я, опять попытавшись было войти, но меня опять выгнали. В каком-то полуске я увидел лишь ярко залитый солнцем кабинет, испуганное лицо мужчины с орденскими планками. Лица сидящих за столом женщин были в моих глазах, как пятна. Бабушку, мою бедную, худенькую и маленькую бабушку, не удосужились даже посадить на стул...

Теперь я уже стоял прямо под дверью весь превратившись в слух, и когда сухошавый опять заорал что-то про тунеядство, про государство, про «никогда не работала», молча зашел в кабинет, обнял бабушку за плечи и повел ее, плачущую и дрожащую, прочь, на улицу. Меня тоже трясло.

— Все! — кричал я матери дома, — увольте, больше я этим не занимаюсь! Она что — с голоду умирает?! Ты же отдаешь ей половину своей пенсии!..

— Как ты не понимаешь, — вздохнула мама, — как же ты не понимаешь: она хочет иметь свое, понимаешь — свое. За мужа. От государства.

Каникулы кончились, я уехал. А вскоре из дома пришло письмо: пенсию бабушке все же начислили. Восемь рублей и шестьдесят копеек. Она очень довольна и чуть ли не гордится, когда почтапонка регулярно каждый месяц приносит ей эти деньги.

— Вот, Шуранька, — не раз говорила мне потом бабушка, — каждый месяц восемь рублей, как с кустика.

Было все это в 64-м или в 65-м году. Когда же в семьдесят втором бабушка умерла, в ее комодке мы нашли деньги. Сумма была равна сумме пенсии за все эти годы, отсюда не было взято ни рубля...

Рис. В. Резниченко.

(Рассказ печатается в сокращенном виде)